

ВЛАДАРГ ДЕЛЬСАТ

Света другим

МИРЫ ТАУРИС

Миры Таурис

Владарг Дельсат

Светя другим

«Автор»

2023

Дельсат В.

Светя другим / В. Дельсат — «Автор», 2023 — (Миры Таурис)

Что, если описанный мир станет реальным? Маленькая Ира, умирающая в хосписе, оказывается в теле главной героини собственной книги. Теперь юной создательнице предстоит пережить все испытания, которые она придумала для своих персонажей. Есть и хорошая новость: верный друг поможет девочке справиться и с новым телом, и с новой реальностью. Вот только герои еще не знают, насколько новый мир, созданный Ирой, непредсказуем и опасен.

© Дельсат В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава первая	5
Ирочка	5
Доктор Влад	7
Глава вторая	11
Ирочка	11
Доктор Влад	13
Глава третья	16
Ирочка	16
Доктор Влад	19
Глава четвёртая	22
Ирочка	22
Доктор Влад	25
Глава пятая	28
Ирочка	28
Доктор Влад	30
Глава шестая	32
Ирочка	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владарг Дельсат

Светя другим

Глава первая

Ирочка

Я скоро умру. Мне всего тринадцать, а жизнь уже закончилась. Меня ничего порадовать не может, потому что у меня миелолейкоз и... Я понимаю и не понимаю одновременно маму, сдавшую меня в хоспис. Так хочется в последние дни жизни быть дома, среди родных, может, я тогда смогла бы прожить чуть подольше... А здесь все врут.

Медсёстры врут, что всё будет хорошо. Хотя, может быть, будет хорошо кому-то, когда я умру? Мама выдохнет с облегчением, не надо будет изображать слёзы и приходить сюда. Она врёт, я вижу и чувствую, как ей не хочется приходить, как она ждёт, когда я, наконец... А я всё живу, уже все сроки прошли, а я живу...

Чтобы отвлечься от процесса умирания, я пишу истории. Их можно было бы назвать книгами, и даже читатели есть, потому что я выкладываю их в Сеть не за деньги, а так. Зачем мне деньги, если меня всё равно скоро не станет? Поэтому я пишу, погружаясь, уходя с головой в свои миры – туда, где я могу почувствовать себя живой. Глупые подростки, желающие умереть, даже не представляют себе, как это здорово – жить. Пусть хоть в инвалидной коляске, но жить! Я даже согласна на то, чтобы меня мучили и били, только бы жить! Пусть бы били – больше, чем сейчас, у них вряд ли получится.

Я пишу сказку. Ну, называется это «фэнтези», но на самом деле это сказка. Я представляю себя на месте главной героини и рассказываю, как у неё появляется мальчик – близкий человек, настоящий друг. Они, конечно, друг друга сразу же замечают и тянутся один к другому... Только девочке плохо, потому что она болеет. Не лейкозом, как я, а чем-то другим, не таким страшным.

Я хочу, чтобы в сказке была Магия. Только мне плохо после уколов, да и просто так плохо, поэтому я не всегда понимаю, что пишу, но пишу всё равно. Когда я набираю текст, мне не так страшно, потому что я улетаю из хосписа и живу там, в другом мире. Моя героиня, как и я, тоже не очень здорова, но этого никто не видит. Я так сделала, чтобы её было жалко, и мальчик у неё был. Наверное, это не очень честно, но это же моя сказка.

Мальчика не любят опекуны. Он живёт в Германии, но там что-то не так с его документами, из-за чего за него опекунам платят меньше денег. Поэтому его не любят, уж такие люди его опекуны – всё на деньги меряют. По-моему, так всё логично получается. Главное, чтобы было логично, потому что иначе читатели пишут, что я нехорошая девочка, а я так хочу быть хорошей... хотя бы напоследок.

С каждым днём мне становится всё хуже... Самое противное, что я здесь совсем одна. Нет ни мальчика, ни братика, ни мамы... Папа ушёл от нас, когда я заболела. Ну, примерно в то самое время... Наверное, поэтому меня мама разлюбила. Потому что я умру – и всё, а папа – он же на всю жизнь.

– Долго ей ещё мучиться? – слышу я голос мамы в коридоре хосписа.

Ей, наверное, не терпится узнать, когда же я, наконец, умру. А братик ко мне не приходит совсем, и даже в Интернете не пишет. Как будто для него я уже умерла. Ай, как больно... Я не выдерживаю, начинаю плакать. Через минуту ко мне заходит тётенька со шприцем. Я знаю, что это такое – сначала будет хорошо, а потом надо снова колоть. Потому что это наркотики,

другое на меня уже не действует. Но вот пока хорошо, надо писать, а то не успею, и сказка не получится.

Вот... Значит, мальчика я описала: опекуны его не любят, в школе его тоже бьют, а девочку хоть и не бьют, но хотят. А почему её хотят бить? А! Потому что симулянткой считают! Как меня в самом начале, и даже пару раз побили, но потом мне стало всё хуже становиться, и тогда выяснилось, что я не симулянтка, а умираю.

Вот, пусть ей скажут много плохих слов, она расплачется и встретит мальчика, а он её сразу обнимет... Что было бы, если бы меня на улице мальчик обнял? Не сейчас, а раньше, когда симулянткой называли? Интересно, дяденьке психиатру стыдно теперь?

Так вот, если бы меня мальчик обнял, то получил бы в нос. Значит, нельзя сразу обнимать, а сначала надо поговорить. Я сейчас всегда такая маленькая-премаленькая, потому что больно очень. Но мне уже не стыдно даже, потому что всё равно же скоро умру, правильно?

Так вот... А мама даже не зашла ко мне... Хнык... Ладно, мальчик видит девочку, девочка плачет. И вот он такой весь из себя рыцарь подходит к ней. Ведь он же рыцарь? Для себя же пишу, пусть даже читатели возмущаются. Я умру, а мои сказки будут жить. Может быть, кто-нибудь когда-нибудь вспомнит обо мне. Жила-была когда-то такая вот Иришка... Ирочка, как меня называют тут. Так ласково-ласково, но всё равно они врут. Улыбаются лживо, а самим всё равно. Всем всё равно, раз уж даже мама... И братик...

Доктор ко мне больше не приходит, потому что мне совсем немного осталось. Тётя одна сказала, что, может, даже целую неделю ещё протяну, но вряд ли. Совсем недавно прочитала одну книжку, это из-за неё я начала писать, там смешная девочка доктора наказала. И мне тоже захотелось писать, чтобы быть счастливой – хотя бы в книге.

Сначала меня пытались лечить, долго-долго лечили, но мне становилось очень плохо от такого лечения – меня рвало, ещё выпали волосы на голове, и я перестала ходить. Однажды ноги просто отказались ходить, и всё... Так я и привыкла к инвалидному креслу, потому что ножек как будто нет совсем. Может быть, это из-за терапии, может быть, от чего-то другого – я не знаю. Да и какая разница?

Вот я главу дописываю и сейчас опубликую её на сайте, где много таких «писунов», как я. У меня даже свои читатели есть, их немного, конечно, но они есть. Особенно один читатель, он меня критикует. Я от этого плачу, но чувствую себя живой, хотя медсёстры ругаются – мне опасно плакать... Но я же всё равно умираю, так почему бы не поплакать, правильно?

Пишут уже... Благодарят за продолжение, они это «прода» называют. А вот уже по делу начинают, сейчас посыпятся недовольные, потому что не бывает так с девочками. Ну, это они думают, что не бывает, потому что никогда не были симулянтами с миелолейкозом. Но им я такого желать не буду, потому что нечего. Не знают такого – и пусть радуются, всё получше будет.

Критик мой пришёл... Я знаю, что он пришёл, сейчас понапишет такого, что я опять буду плакать. Он внимательно следит за всем, что я публикую, как будто хочет показать, что я не одна. Спасибо ему за это. Только мне становится всё больнее, хотя укол должен ещё действовать. Во рту кровь, я её по вкусу чувствую, и такое ощущение, что становится темнее вокруг. Неужели *это* уже пришло, и я умираю? Но я не хочу! Можно я хотя бы прочту, что мой читатель накрикует? Ну пожалуйста! А ещё у меня Магия не дописана, она же маленькая ещё, как она будет? Я не успела её взросление описать... Становится всё темнее. Я от боли почти ничего не вижу, к рукам подступает сильный, просто страшный холод.

Мне больно, больно! Я больше не могу... Даже кричать уже не могу... Ну увидите же кто-нибудь красный огонёк монитора, спасите меня! Ну хоть несколько минуток ещё... Не хочу умирать!

«Мне тебя будет не хватать», – появляется короткий комментарий от моего критика перед тем, как свет гаснет окончательно. Он знает? Откуда? Я же под псевдонимом писа...

Доктор Влад

Отделение интенсивной терапии специализированной клиники живёт своей жизнью. Идя в ординаторскую, я задумчив, ибо мыслей в голове роится великое множество. В четвёртой лежит девочка, с которой мы ночью наплясались – она будто бы не желала жить, балансируя на самом краю, поэтому надо посмотреть её семейный анамнез. Такие состояния очень необычны и так просто не встречаются. Мальчика из третьей уже можно переводить к коллегам на этаж ниже, пусть копают сердце¹ до победного конца. Начинается весна – самое жаркое время у детей с крайне редкими заболеваниями, когда просто не знаешь, где бахнет.

Решив заскочить по дороге в курилку, я поворачиваю налево. В курилке у нас висят перлы от коллег, но и не только от них. Достав сигарету и отняв у кофейного автомата очередной стаканчик с кофе, я затягиваюсь первой, самой сладкой порцией токсичного дыма. Курить вредно, пить противно, а помирать здоровеньким жалко – старая шутка, но актуальная, конечно. Для докторов вообще характерно пренебрегать своим здоровьем. Так сказать, светя другим...

Я – доктор детской реанимации в нашей клинике, куда привозят бесконечные «ошибки» коллег. Крайне редкие болезни очень часто начинаются с диагноза «психосоматика». Иногда этих коллег хочется просто придушить, но нельзя – в Германии запрещено врача называть нехорошими словами. Бить тоже нельзя. Хотя иногда хочется, особенно когда очередную «ошибку» привезут... Но – тс-с-с... Сейчас перекурю и пойду думать дальше – не нравится мне это затишье. Дежурства у нас не приняты, суточные в смысле. Но я – начальник, поэтому могу остаться и на ночь, если очень нужно. Правда, лучше не оставаться, потому что, кроме пациентов, есть и свои дети, а им нужен папа.

Стою я, курю, бездумно глядя на пустую вертолётную площадку, пока забредшая в голову мысль не добирается до органов этого самого... мышления. Если площадка пустая, значит, вскоре кого-то интересного и очень срочного привезут. У нас сюрпризов типа юных дев с вагинизмом на цукини не бывает – если привозят, то такое, что мало не покажется.

– Влад! – кардиологи пожаловали.

Они курить топают всей толпой, потому что у них практикантка завелась – мозг жуёт на тему курения, а много кто из экстренников дымит, как-то так повелось... Стресс, значит. А Влад – это я, сокращённое имя, значит. А полное я не скажу, из вредности, ибо с кем поведёшься...

– Жалуйтесь, – предлагаю им, тяжело вздохнув.

Знаю, с чем они пришли, знаю... У ребёнка прогноз² сильно так себе, очень сильно: четырежды останавливалась³ малышка, и ведь десять лет всего. При этом не очень понятно, что именно с ней – не описано такой картины нигде, значит, возможно, имеем дело с чем-то новеньким. А «что-то новенькое», доложу я вам – та ещё история: пока опишешь, пока докажешь... Эх...

– Штерн опять утяжеляется... – эти щенячьи глаза означают просьбу перевести пациента ко мне.

Страшно им, и я их очень хорошо понимаю. Девочка, конечно, неизвестно как в жизни держится. Сочетанный порок⁴, и оперировать нельзя, опасно очень, поэтому и сердечная недостаточность, и другие сюрпризы. А сюрпризов много, и не кардиологам их решать, да и с родителями у ребёнка не всё ладно, ласки ей не хватает очень. Детям тепло нужно, и чтобы больно

¹ Диагностика сердечно-сосудистых заболеваний (проф. сленг).

² Шансы на выживание (выздоровление).

³ Остановка сердца в общем смысле (проф. сленг).

⁴ Сложный врождённый порок сердца.

не было. Наша задача – сделать так, чтобы не было больно, а вот тепло... Ничего, котёнок, всё хорошо будет.

– Ладно, переводите... – я вздыхаю, но они правы – у них Марьяна не выживет. – Пацана этого, Уиллиса, я вам отдам, есть у меня ощущение Боталлова протока⁵, но доказать субкомпенс⁶...

– Реанимация ошибаться не умеет, – хмыкает Дитер, глава кардиологии. – Договорились.

Киваем друг другу и расходимся. Пока пауза, можно писать очередную часть к сказке. Ну да, я пишу всякую фантастику с фэнтезиной вперемешку. Нина вон стихи публикует, Вольф каждые выходные на стрельбище... Нужно какое-то занятие, чтобы сбрасывать эмоции, нужно, иначе, по мнению нашего психиатра, просто собьёт крышу. Вот я и пишу сказки, начинающиеся часто очень грустно, но заканчивающиеся всегда счастливо, потому что это же сказки. Часть из них друзья даже на немецкий перевели, чтобы детям подкладывать... И ведь работает – появляется надежда, где-то даже вера в победу. Даже когда шансов нет – появляется надежда. Значит, не зря пишу. Скорость печати у меня высокая, потому успеваю накропать почти главу, когда за окном возникает этот звук... Его ни с чем не перепутаешь – вертолёт идёт на посадку. Значит, надо отложить планшет и топать в направлении приёмного. Если гоняли вертолёт, значит, точно нам работа прилетела.

Я, как всегда, не ошибаюсь. Санитары бегом вкатывают каталки. И что мы тут имеем?

Девочки-близняшки лет пяти, основной диагноз – «психосоматика», а им больно, просто больно – и всё. Как этого можно не видеть, ну вот как?! Всех боятся, значит, или пугали, или били, что в нашей стране запрещено просто категорически.

Сейчас дядя доктор успокоит маленьких солнышек. Очень удивились, кстати, тому, что они – солнышки, даже переспросили. Ошибся я с возрастом, им по семь лет. Значит, надо и кардиологию подключить⁷, особенно учитывая обморок и апноэ⁸ в школе. Сердечники всегда выглядят младше своих лет. Испугались они сильно, ну да это знакомо... Близняшки – значит, в один бокс, и всё сам. Пока родителей не привезли, надо успокоить детей. Это очень важно – именно успокоить, а не то напляшемся.

– Ну вот, здесь вы немножко поживёте, а мы выясним, почему так больно, – улыбаюсь, глажу – как иначе, дети же.

Тут спешить нельзя, у обеих суставы отёчные, значит, проблема давняя и очень серьёзная. Поэтому никуда не торопимся, потерять контакт с детьми очень просто, но категорически нельзя. Если они почувствуют недоверие, то будет очень плохо, а «очень плохо» я не люблю.

– Больно... – шепчет лежащая слева.

Мария ее зовут, Машка, если по-русски. Но мы говорим по-немецки, что вполне логично в Германии, не правда ли?

– Вот тут больно? – знаю я, конечно, где у вас болит, ничего особо нового в гипермобильном⁹ типе нет.

Лучезапястные, иногда пальцы, часто ещё и колени... И больно до слёз. А вот отдельные коллеги читать не умеют или не любят, поэтому диагноз – «психосоматика». Сказать о коллегах можно всякое, но бессмысленно, поэтому работаем дальше. Больше полувека диагноз существует!

⁵ Врождённый порок сердца, при котором артериальный проток новорождённого (Боталлов проток) не зарастает после рождения.

⁶ Не полностью компенсированный порок сердца (проф. сленг).

⁷ Сердечники часто выглядят младше своих лет.

⁸ Остановка дыхания.

⁹ Сильная мобильность суставов при генетически детерминированных состояниях, характеризующихся дефектами волокнистых структур и основного вещества соединительной ткани, приводящими к нарушению формообразования органов и систем, имеющих прогредиентное течение.

– И ещё тут... – шепчет ребёнок, увидевший, что ей верят.

Каждый раз вот это недоверие вначале, а потом сразу, взрывом, счастье – яркое, волшебное... Поверили, значит. Вот каждый раз не хватает зла на коллег.

– Когда дышу... – добавляет она, и мне сразу же становится нехорошо.

– А вот доктор вас сейчас гладить будет... – на мониторе такое, что волосы дыбом. Жму кнопку оповещателя, ибо дети на грани шока, доигрались с ними, значит...

– А Луиза не может сказать, – несмотря на то, что девочки – близнецы, одной из них намного тяжелее. В палату вальяжно¹⁰ входят коллеги, начинаем работу...

Через час дети уже сладко спят. Кислород, провода, но зато нет боли. Это очень важно, чтобы не было боли, да. Дети не любят, когда больно, да и когда им не верят – тоже. Марта, это наша старшая медсестра, показывает жестом – прибыли родители. Пойду пугать. Раз детям не верили, значит, нужно напугать до непроизвольного мочеиспускания, ибо они должны запомнить: детям больно!

Действительно, двое самоуверенных... «Они притворяются, чтобы привлечь внимание». Ну, гады, держитесь, я вас за язык не тянул!

– А зачем им привлекать внимание? – интересуюсь я нарочито спокойным голосом. – Может быть, вы недостаточно проводите с ними времени? Не обнимаете? Или они думают, что их не любят?

Для Германии это очень серьёзно – недостаточный уход за детьми может очень больно ударить по кошельку, вплоть до очень серьёзных последствий. Во-о-от, испугались, это хорошо. Продолжаем разговор.

– Мы совсем не это имели в виду! – мать детей соображает, на что я намекаю, сразу же сдав назад. Намного проще обвинить ребёнка в симуляции, чем поверить в то, что доктор может чего-то не знать, и искать, искать, не сдаваясь.

– Болезнь ваших детей относится к редким...

Ну, и лекция минут на сорок. Да, у меня есть на это время, потому что лучше потратить его сейчас, чем потом пытаться откачать этих маленьких котят, для которых ещё не поздно. Сердца им посмотрят кардиологи, хотя я и так уже по монитору вижу, в чём дело, а это значит... Нехорошие вещи это значит, честно говоря, но тут ничего не сделаешь – если абляцию¹¹ не выдержат, совсем плохо будет. Хорошо, что хоть это решать не мне. Вон как побелели, когда я им рассказал о том, что девочки могут «закончиться»¹² от любого стресса.

Мы не используем слова, напрямую связанные со смертью, чаще всего говорим немного иносказательно, чтобы не накликать. Очень страшно накликать на самом деле. Потому так и говорим... Всё, тут разобрались. Дети проснутся, пустим к ним уже достаточно напуганных родителей, готовых сотрудничать. Теперь остаётся только ждать – будет приступ у малышей или пронесёт. Они все для меня малыши, солнышки, котята... За каждого сердце болит, оттого и пишу – чтобы слить эмоции. Чтобы не выгореть. Ведь кто, кроме нас-то?

Жутко устал сегодня. Сейчас ещё раз пройду по отделению – и можно домой, где меня ждёт самая любимая на свете жена и три доченьки. Обнять каждую, расспросить, похвалить... Каким бы уставшим ни был – это дети, им нужно внимание, тепло и уверенность в том, что папа есть для каждой из них. Это нормально – быть для своих детей. Ведь для пациентов я есть в любое время суток, бывает, что и посреди ночи могут дёрнуть, когда нужна помощь...

И любимая моя, конечно. Самое лучшее, что случилось со мной в жизни – любимая жена и наши дети... Четверть века вместе живём, а любим друг друга так же, как в самом начале... Жена моя зеленоглазая, концентрированное счастье в одном человеке... Пусть работа не всегда

¹⁰ Медленно, не торопясь, не дай Асклепий напугать.

¹¹ Малоинвазивный метод лечения нарушений сердечного ритма.

¹² Умереть (проф. сленг).

проста, но вот прихожу домой – и просто тону в этих глазах, как и в самый первый наш день. Стоп!

Откуда в ординаторской ребёнок? Серебристое такое платье, очень красивое, а вот ноги босые. Это совсем непорядок. Полы у нас тёплые, конечно, но босиком ходить плохо. На первый взгляд – не моя пациентка. Потому что розовая и стоит.

– Здравствуй, доктор, – говорит она мне, и тут я отмираю.

– Здравствуй, маленькая, – подхватываю на руки ребёнка лет четырёх-пяти. Чуть-чуть поменьше моей младшенькой. – Что случилось? Где болит?

– Ничего не болит, – отвечает это создание, что характерно, по-русски. Уже интересно. – Я – Забава... Ну, Тринадцатая! Ты меня придумал, помнишь?

Тринадцатая – это демиуржка маленькая, забавная и шаловливая, как ребёнку и положено, ну, и всемогущая, конечно, как положено уже демиургу. Родили её мама с папой – Света и Виктор, у меня диалогия о них написана, а вот придумал действительно я. Быстро проверяю, вроде бы не сплю и не галлюцинация. Так как на свете может быть абсолютно всё, то послушаем, что нам принёс ребёнок.

– Помню, – киваю ей, погладив по голове. – С чем пришла?

– Понимаешь... – она замолкает, задумавшись. Видимо, формулирует. – Есть один мир, там всё плохо и запутанно. И ты там очень нужен... Просто очень-очень!

– У меня семья, дети, пациенты, – пытаюсь объяснить ей то, что само собой разумеется. – Как же я их оставлю?

– Не надо их оставлять...

Ага, рука дёрнулась, значит, хочет предложить шалость. Ну, послушаем.

– Я возьму твою память, привычки и навыки, чтобы пересадить в одного мальчику, – продолжает малышка. – Ну, копию. Он почти совсем умер, у него даже памяти уже почти нет... Можно? Тебе ведь не жалко? А в обмен ты будешь знать, как у него дела, и сможешь всё описать, а?

– Ну, раз я останусь здесь, то не жалко, конечно, – глажу я ребёнка. Явно в отпуск пора, уже собственные герои мерещатся.

– Ура! – восклицает этот милый ребёнок, немедленно исчезая.

Новая история сама просится на свет. Предыдущую-то я написал, редактору послал с надеждой на то, что она меня не проклянёт, ибо писучий я. Пора начинать новую историю, почему бы и не такую?

Глава вторая

Ирочка

Боль исчезает как-то вмиг. Ну, не полностью исчезает, но теперь я её могу терпеть без того, чтобы выть. Станным кажется только место, где она остаётся – руки и грудь, там у меня ещё не болело, хотя должно было, наверное. Ну вот, теперь болит, я рада?

Над головой истошно, но незнакомо воеет сирена, и мою кровать потряхивает. Меня везут? Куда? Кто? Я что, не умерла?

– Есть пульс, – слышу я чей-то голос. – Остановка девяносто две секунды, известите больницу.

Тут только я понимаю, что голос говорит не по-русски, но, тем не менее, я его отлично понимаю. Что со мной? Где я? Надо открыть глаза, просто очень-очень надо!

Уговаривая себя так, я открываю глаза. Наблюдаю белый потолок, от которого доносится сирена, значит, это крыша. Изо всех сил пытаюсь оглядеться, но почему-то не могу – голова не шевелится, а глаза затуманенные, и взгляд не достаёт. Боль по-прежнему несильная, как после укула, что меня удивляет.

– Моника Шульц, тринадцать лет, – начинает явно диктовать тот же мужской голос. – Внезапная остановка дыхания в школе, на момент прибытия бригады сердечной деятельности не наблюдалось, в школе помощь не оказывалась.

Как он меня назвал? Моника? Но ведь меня Ирочкой зовут... Или... уже нет? Могла ли я умереть и стать «попаданкой»? Наверное, могла, но тогда как узнать, где я?

– Ещё и полицию надо известить, – устало говорит другой голос. – Как думаешь, отчего она?

– Тут и думать нечего, – отвечает ему первый, – Видишь, на шее? Испугали девчонку сильно, травля, по-видимому. Так что полиция однозначно.

– Как только выжила... – вздыхает второй, и я вижу появившегося прямо передо мной мужчину в красной одежде, на которой написано «Служба спасения». На лице у него очки и усики, а всё остальное расплывается. – Ну что, не будешь больше умирать?

– Я постараюсь... – тихо отвечаю ему и замираю, потому что говорю тоже не по-русски. Что это за язык? – А я уже больная или ещё симулянтка? – спрашиваю у мужчины, наверное, врача.

Нужно же как-то установить свой статус, правильно? Если я ещё симулянтка, то понятно, почему в школе такое случилось, а если уже нет, то, значит, скоро умру. Не хочу умирать... Это так больно оказалось, просто до слёз больно. Но всё-таки где я? Вот бы я в свою историю бы попала! Хотя... Там я тоже должна быть больной, хоть и не смертельно... Но зато мальчик же будет! Я не буду одна... Так страшно быть одной, просто до жути страшно...

– Сообщают, что в той же школе аналогичный случай, хотя там уже полиция, – задумчивым голосом говорит тот, который наклонился ко мне. – Мальчишку пытались в унитазе утопить. Как-то не очень это нормально для приличной школы...

– Ага, как в том фильме было... – я слышу в голосе врача улыбку. – Их всех прокляли!

Мужчины не очень весело смеются, а я задумываюсь. Может быть, этот мальчишка тоже «попаданец», как я? Интересно, каково ему будет? Я уже почти удостоверилась, что попала – только не знаю куда. Да я даже, как язык называется, не знаю!

В этот момент машина останавливается, через мгновение открываются задние двери – я их вижу, и меня вывозят из машины куда-то в белое красивое здание, совсем на наши больницы не похожее. Доктора не бегут, везут очень осторожно, значит... Я не знаю, что это значит.

Стараюсь расслабиться, потому что от меня всё равно ничего не зависит. Надеюсь, что хотя бы психиатру не отдадут. Психиатр – это приговор, поэтому в прошлый раз меня лечить начали только тогда, когда уже поздно было. Если будет психиатр – ничего ему не скажу. Пусть хоть режут!

– Девушка, тринадцать лет, девственна... – слышу я краем уха. Интересно, а это им зачем?

Меня осматривают, ощупывают, мне даже кажется, что я немного чувствую ноги, но это, конечно, не так. Я же знаю, что не могу их чувствовать. Очень хочется стать маленькой-маленькой, просто очень, но я знаю – это невозможно. Придётся так умирать... А вот была бы я в своей истории, меня бы в школу пригласили. Магическую, вот! Но я же сказку не дописала, поэтому вряд ли туда возможно попадание, правильно?

– Рефлексы отсутствуют, судя по всему, последствия... – не знаю, о чём это говорят. Интересно, моя здешняя мама так же от меня отвернётся? Жаль, если так будет, всё-таки умирать в одиночестве очень грустно.

Интересно, отчего так болят руки, что я ими и двинуть особо не могу? Пару раз пробую, но больше не хочу, боль почти такая, как в моей уже прошлой жизни, но концентрируется только в руках. Интересно, конечно, но приходится расслаблять. Тут меня буквально ударяет понимание: если руки болят, то я писать не смогу! Но я хочу писать, мне это надо, а то совсем плохо будет. Хныкательно мне как-то...

– Судя по всему, выраженный суставной синдром, – слышу я. – Видите, как лежат руки? Это не отсимулируешь, такое знать ей неоткуда.

Это что?.. Мне что? Мне поверили? Кажется тот, кто говорит, видит, что я поражена. Он гладит меня по голове – и это так приятно, что я тянусь за этой ласковой рукой, даже привстаю, чтобы со стоном снова упасть обратно.

– Испугалась малышка, – констатирует кто-то. – Родителей известили?

Мне становится трудно дышать, я слышу какой-то звон вокруг, потом писк, почему-то сразу становится так холодно, что просто невозможно не дрожать, и я проваливаюсь во тьму. Очень холодно и страшно в этой тьме, просто до ужаса страшно. Я опять умерла?

– Ну, ну, не умирать, – слышу я сквозь звон. – Нестабильна девочка...

– Болевой шок напоминает... – звуки пытаются пропасть, исчезнуть, но будто что-то им этого не даёт. – А с мальчишкой что?

Дышать становится легче, я с трудом вдыхаю, пытаюсь надышаться. Это так сложно, что просто не сказать, как. При этом я слышу разговор двоих – врачей, наверное. Перед глазами темно, я ничего не вижу, но стараюсь не паниковать. Сначала надо выжить, потом... Потом будет потом.

– В унитазе утопили и избили, – отвечает ему коллега. – А у нас палат свободных нет.

– Давай сюда, – слышу я вздох. – Ей пока всё равно, не понимаю, что происходит.

У меня будет сосед. Это очень хорошо, может быть, мы даже сможем немножко подружить, пока я не умру? Ну, если ему не будет неприятно со мной дружить. Я задумываюсь о том, как правильно дружить, поэтому забываю, что умираю. Внезапно становится легче дышать и скачком отступает ледяная бездна, на что доктора реагируют сразу же и одобрительно. Значит, пока поживу.

Доктор Влад

Тот факт, что я оказываюсь на зелёной полянке, окружённой густым лесом, меня не удивляет. Неподалеку от меня переливается радужным светом плёнка проекции мира. Разумеется, я узнаю её, ведь я же сам придумал это когда-то. Ну, а совсем рядом со мной стоят голыми ступнями на траве егоза Забава по прозвищу Тринадцатая. Сейчас она морщит лобик – думает, значит.

– Тебя дети называют ангелом, – задумчиво произносит она.

Скажем, не только меня, а всех реаниматологов. Свет идёт сзади и сверху – создаёт ощущение нимба вокруг головы врача, склонившегося над пациентом, поэтому только что очнувшиеся дети так и воспринимают.

– Это потому, что свет так падает, – объясняю я ребёнку.

– Не только поэтому, – улыбается Забава. – Ты – хороший, поэтому я расскажу тебе немного об этом мире.

– Вот это хорошая мысль, – отвечаю ей, потянувшись, чтобы погладить.

– Этот мир – целительский, – говорит девочка, подходя поближе, чтобы мне было удобно её гладить. – Ну, как у Арии¹³. Целители по воле Магии есть, нужно дать клятву – и будет тебе сразу.

– Какую клятву? – интересуюсь я у Забавы.

– Любую докторскую, – сообщает она мне. – В которую сам веришь, а Магия решит, только ты не пугайся, она маленькая ещё. Творец этого мира творила его всей собой, но ей было больно.

– Из-за того, что творила? – не понимаю я.

– Нет, она больная была, – вздыхает малышка. – Творила мир и умирала от ми-ело-лей-ко-за, – едва осилила сложное слово девочка лет четырёх на вид.

Миелолейкоз – это сурово и без вариантов. Учитывая, что Творец именно «умирала», то, во-первых, это девочка, а во-вторых, сюрпризов можно ожидать, сколько угодно.

– А для чего она сделала этот мир? – интересуюсь уже я.

– Она очень хотела, чтобы у неё был хоть кто-нибудь... – вот эта фраза бьёт, как молотком в лоб. Девочка, похоже, умирала в хосписе, всеми оставленная, по её мнению. Очень плохая новость, честно говоря. – А теперь ты иди, доктор Ангел...

Окружающая меня действительность меркнет, чтобы в следующий миг смениться привычным истошным воем. Так у нас только скорые воеют. Ну, спасательные службы¹⁴. При этом меня слегка качает, а сирена не унимается. Вывод – везут не ко мне, а конкретно меня. Уже интересно.

Учитывая Забаву и её слова, она меня поселила в мальчика, «почти умершего». Судя по экстренности, таки да, почти – трупы под сиреной не возят, они никуда уже не спешат. И что это с ребёнком сотворили-то? По ощущениям сказать трудно, памяти у него нет, что говорит об очень многих вещах, список – отсюда и до Марса. Во рту привкус такой... хм...

– Ну, можно сказать, стабилизировался, – с сомнением в голосе произнёс медик. А кем он ещё может быть? – Ты меня слышишь? – говорим по-немецки, уже хорошо.

– Слышу, – сообщаю я на том же языке, естественно. Я немецкий доктор, хоть и с советским прошлым. – Меня что, в говне топили? От чего я?

¹³ Описано в книге «Личный опыт».

¹⁴ В Германии скорая помощь называется Rettungsdienst, что значит «служба спасения».

– Не совсем, но где-то близко, – несколько удивлённо произносит... ну, скажем, коллега¹⁵. – Что-то помнишь?

– Ну, судя по ощущениям, я закончился¹⁶, – говорю я ему. – И, судя по послевкусию, от аспирации, так?

– Вопрос снят, – уведомил он меня и надолго замолчал.

Я же недоумеваю – что его так удивило? Меня сейчас интересуют вещи приземлённые – возраст, рост, вес, пол свой я уже определил. Во-первых, Тринадцатая сказала, а, во-вторых, рукой. Потому что доверие – это хорошо, но контроль – лучше¹⁷. Ладно, едем так едем, подождём сведений со стороны.

– Коллега, – привычно обращаюсь я. – Зовут-то меня как?

– Юрген Вагнер тебя зовут, – уже совсем шокированным голосом отвечает мне медик. – Какая-то избирательная у тебя амнезия.

– Так закончился же я, – спокойно сообщаю ему. – Вот и началась фантастика, вам ли не знать?

– Это точно, – судя по звуку, он садится в кресло, стоящее напротив каталки. – Двенадцатилетний мальчишка свободно использует специфическую терминологию, – жалуется он кому-то. – Что ж я съел-то такое странное?

Двенадцать лет. Мальчик. Германия. Не хочу!

Не хочу школу, гимназию, университет, хочу обратно в отделение! Кстати, учитывая Забаву и двенадцатилетие, то будет мне, похоже, что-то несмешное к осени. Магическая какая-нибудь школа... Так как мы не в моей истории, то классического моего непроизносимого¹⁸ названия школы можно не ожидать.

Подъезжаем к больнице, очень характерно подпрыгиваем на эстакаде, мне ли не знать... М-да... Сейчас мы остановимся, меня поволокут в интенсивку¹⁹, раз я недавно заканчивался, пока ничего интересного не будет, есть время подумать. Итак, меня утопили в сортире. Надо сказать, что именно в этом смысле в говне меня пытались утопить впервые, так сказать, тоже опыт. По какой причине – сказать трудно, память сохранилась фрагментарно. То есть моя-то – в полном объёме, а вот того, кем я стал – только статичные картинки. Значит, опыт будем нарабатывать в процессе.

Забава сказала, что мир целительский, это уже наводит на размышления, а уж сообщение о том, что «по воле Магии» – очень толстый намёк, потому что такое было, кажется, только у меня. В смысле – великие силы одушевлённые. А может, и не только у меня, но хочется думать, что только.

Интересно, куда это меня тащат? Замечаю, что затаскивают в уже обитаемую палату. Это вдвойне интересно, потому что не принято. Настолько, что ли, грустно? Или просто наплыв? Ладно, это не моё дело, надо на соседа посмотреть.

Судя по волосам – это соседка, поэтому непонятно вдвойне. Так совсем не принято, нам же не по пять лет! Загадки какие-то странные, кстати. А что нам мониторы показывают? А показывают они нам, что девочке больно и дышится грустно. Что нужно делать? Правильно.

Кряхтя, поднимаюсь. Ох, грехи мои тяжкие... После остановки подниматься грустно, странно, что вообще могу. Но девчонке надо помочь, хоть ползком, потому что она так сама себя дестабилизирует, и будут танцы. Как здесь танцуют, я не в курсе, но вот девчонке это точно не надо.

¹⁵ Непосредственную помощь оказывает отнюдь не врач. Врач с немецкой скорой только командует.

¹⁶ Умер, значит.

¹⁷ Распространённая немецкая поговорка.

¹⁸ Доктор шутит. Название «Грасвангаль» вполне произносимо.

¹⁹ Отделение интенсивной терапии и реанимации (сленг).

– Ты куда? – слышится голос с озадаченными интонациями. Слона-то я и не заметил. Хочется ответить в рифму, но не буду.

– Девчонке головную часть поднять надо и руки зафиксировать, точнее... хм... – я приглядываюсь, подходя поближе, хотя меня штормит. – Лучезапястные, похоже, – и тут я оборачиваюсь на говорящего.

Судя по цвету бэйджа²⁰, я наблюдаю врача примерно в третьей стадии удивления. То есть необратимые изменения формы тела ещё не наступают, но уже связно говорить он не может. Ладно, потом разберёмся.

Подхожу к кровати, которая выглядит староватой. Годах в девяностых такие были, но пульт у всех примерно одинаков, так что спокойно поднимаю изголовье, затем оглядываюсь в поисках фиксирующего бинта. Это реанимация, здесь всё есть, надо только знать, где. А у меня опыта... В общем, нахожу бинт, аккуратно фиксирую суставы «на карандаш»²¹, потому что шину не обнаруживаю.

– Хотя ей бы бандажи, – объясняю я коллеге. – У неё боль в районе восьмёрки, что при коллапсозах штука обыкновенная.

– Я сплю, – констатирует коллега. – Или съел что-то не то.

– Сделать вам промывание «в два конца»? – светски интересуюсь я, на что доктор просто садится на стул, ошарашенно глядя на меня.

– Ты откуда всё это знаешь? – тихо интересуется он.

– Ну как же... – и я начинаю перечислять предметы покурсово. Издеваюсь, конечно. Ребёнок я, или погулять вышел? Коллега явно хочет в обморок, но в этот миг открывает глаза девочка.

²⁰ У врачей бэйдж часто красный.

²¹ Шиной выступает карандаш. Работает недолго и только, когда нет вариантов.

Глава третья

Ирочка

Я открываю глаза и вижу его. Передо мной стоит мальчик. Он в точности такой, каким я себе его представляла – такие же светлые волосы и голубые глаза, в которых видно беспокойство. Он худенький, но какой-то близкий, хотя, возможно, это мне кажется, потому что я устала быть одна. Можно, он будет моим... другом?

Я понимаю, что это он мне только что приподнимал кровать, отчего сразу стало легче дышаться, и что-то делал с руками, боль в которых сейчас почти исчезла. Он, наверное, волшебник? Или ангел, которого мне послали, чтобы проводить... Ведь я же умираю.

– Ты пришёл, чтобы проводить меня? – тихо спрашиваю его, потому что мне как-то очень трудно говорить.

– Испугалась, малышка, – отвечает он мне, как-то очень ласково погладив.

И я... Я тянусь к этой руке, такой доброй, ласковой... Я тянусь всем телом, не в силах, да и не желая сдерживаться. Мне хочется, чтобы эта ласка длилась вечно. И он это понимает, продолжая меня гладить и как-то очень по-доброму смотреть в глаза. Мне кажется, что такого у меня никогда не было. Просто вообще никогда, пока не пришёл он.

– Что с ней? – слышу я чей-то голос. Это, кажется, взрослый, но я его не боюсь, ведь меня гладит *он*. Я больше ничего не боюсь, кроме того, что *он* исчезнет.

– Людская жестокость, – вздыхает мальчик. – Да и заканчивалась она, вот и испугалась, маленькая.

Господи, сколько ласки в его голосе! Он сам чуть покачивается, наверное, устал совсем. Значит, мне пора уже, но я не хочу закрывать глаза. Может быть, *он* останется со мной... там? Ну хоть на чуть-чуть! Кажется, я сейчас буду плакать...

– Ну что ты, малышка, – по-прежнему ласково говорит *он*, осторожно обнимая меня. Я не выдерживаю и плачу. Просто не могу выдержать этого тепла, эмоции захлёстывают, как будто я тону в них, поэтому плачу.

– Вы бы полицию известили, – говорит этот волшебный мальчик кому-то. – Похоже, её именно убить пытались.

– Известили уже, – вздыхает незнакомый мужчина. – Смотрю на тебя – вижу мальчишку, закрываю глаза – слышу опытного врача. Не дай бог, психиатру попадусь.

– У неё родственники есть? – интересуется волшебный мальчик.

– Есть, конечно, в отличие от тебя, – голос приближается, надо мной появляется какое-то усатое лицо, отчего я вцепляюсь в руку мальчика, потому что вдруг становится страшно, что *его* отнимут.

– Тише, маленькая, тише, – говорит мне *он*. – Никто меня не заберёт, всё будет хорошо.

Мальчик как будто читает мои мысли, значит, *он* действительно ангел. Разве может быть иначе? Ведь это же *он*. Я закрываю глаза, потому что с *ним* я готова умереть. Главное, чтобы был *он*.

– Что-то неладно у неё... – задумчиво говорит ангел. – Учитывая состояние суставов, могли обвинять в симуляции.

– Ты бы лёг, парень, – произносит усатый мужчина, видимо, врач. – Сам едва стоишь.

– *Aliis inserviendo consumor*²², – абсолютно непонятно говорит ангел. – Пишите, коллега: синдром Элерса-Данлоса, навскидку – тип гипермобильный. С тридцать шестого года известен, между прочим, а детей по-прежнему заставляют проходить через боль!

– Ничего себе... – шепчет врач, а мальчик что-то делает со мной, я не понимаю, что именно.

– Мать моя, педиатрия! – восклицает ангел. – Вы только посмотрите, вот здесь, видите?

– Сядь хотя бы, – просит взрослый, что-то подвозя. – Ты же синий уже.

– Ну, не настолько я синий, – хмыкает ангел. – Родителей напугать до непроизвольного мочеиспускания! Молекулярная диагностика у вас водится?

Дальше они начинают говорить непонятными мне словами, а я просто смотрю на него, смотрю и всей душой не хочу, чтобы *он* уходил. Ангел всё понимает, ведь он же ангел. Он сидит уже рядом с моей кроватью и гладит меня, а я тянусь к нему.

В комнату опять кто-то входит, я слышу открывшуюся дверь и вцепляюсь в моего ангела руками как могу сильно. Потому что сейчас же разлучат, а я не хочу, не хочу, не хочу!

– Почему девочка плачет? – интересуется женский голос.

– Боится она, – отвечает ей врач. – В пацана намертво вцепилась, ты только посмотри, как она на его ласку реагирует!

– Девочка... Моника, правильно? – обращается ко мне тот же голос, но женщину я не вижу, потому что зажмурилась от страха. – Не надо бояться, мальчик не исчезнет.

– Запечатлелась она, похоже, – сообщает ангел. – Что-то совсем неладное в школе было, да и дома, похоже...

Женщина что-то говорит о сумасшедшем доме, но ничего плохого не делает, поэтому я осторожно открываю глаза. Мой ангел всё ещё улыбается мне. И гладит... Тут я вижу эту женщину – она полненькая, черноволосая с каким-то вытянутым лицом. Она что-то делает с *ним*, но ангел спокоен, значит, и мне надо быть. *Он* лучше знает, как правильно.

– Очень неплохо выглядите, молодой человек, – наконец, говорит она *ему*. – После утопления это редкость. Но вы держитесь прекрасно, Юрген.

Юрген? Ну, конечно же, Юрген! Как же ещё могут звать ангела? Я же сама придумала хорошего такого мальчика, конечно же, он стал ангелом! Значит, если он ангел, то, возможно, будет и Грасвангаль? С чудесным директором и очень добрыми учителями?

Когда мне было ещё не так плохо, я случайно увидела книгу о больной девочке. У неё был не лейкоз, а очень маленькое сердце, поэтому она постоянно умирала, как я. Мне очень понравилась и книга, и мальчик, который там был, и школа колдовская. Добрая-предобрая! Вот я в своей истории тоже хотела... Но не успела... Наверное, плохо в своей книге использовать чужое, но мне так хотелось...

– Строго говоря, утопления не произошло, – поправляет женщину ангел. – Произошла аспирация дерьма с последующим спазмом, так как бронхи возражают против такого способа купания в этом самом.

– Родители врачи? – сразу же интересуется она. – Очень у вас, Юрген, слог такой, характерный.

– Он сирота, – сообщает врач, ну, который мужчина. – И к опекунам уже есть вопросы и у полиции, и у югендамта.

Женщина говорит, что ей интересно, но прогонять ангела не хочет, а хочет, чтобы мы не умирали вдвоём. Я согласна умирать, если ангела не заберут, о чём и говорю, а *он* говорит, что умирать нельзя, а то в угол положит. Я соглашаюсь не умирать, если *он* будет.

²² Светя другим, сгораю сам (известное латинское выражение).

– Ноги не отвечают совсем, – тихо говорит ангел докторам, они становятся серьёзными и что-то со мной делают. Ну, наклоняются, шевелят руками, но я ничего не чувствую. – Так бывает, если напугать, – добавляет *он*.

Взрослые начинают совещаться, время от времени ангел непонятно для меня комментирует, а они соглашаются. Я чувствую усталость, но боюсь закрыть глаза, а *он*...

Доктор Влад

Глядя в монитор, я напрягаюсь, продолжая ласково улыбаться застывшему на грани ребёнку. Что-то странное с ней творится, не должна она так стремиться «на ту сторону». Значит, что-то я упустил, и сейчас будет много интересной работы.

– Укладку сюда, – спокойным голосом прошу я.

Коллега реагирует правильно, а вот дама тормозит. Я краем глаза смотрю на очень интересную аритмию на мониторе, понимая, что танцы будут. На мониторе картинка, характерная такая. Я подобное у онкологических после химии²³ видел, а вот у СЭДовцев²⁴ – как раз нет.

– Что там? – так же спокойно спрашивает коллега. Я встаю из коляски, которую мне вместо стула выдали.

– Длинный ку-тэ²⁵, – сообщаю я. – Не спать! – командую ребёнку и продолжаю. – Интересный очень. А сейчас будет пируэт²⁶ и танцы. Сульфат магния²⁷ набери-ка.

– Какие танцы? – не понимает меня женщина, застыв посреди комнаты, а я нашариваю в укладке АМБУ²⁸, ибо есть у меня предчувствие.

Мы доверяем предчувствиям, верим в приметы, стараемся не поминать смерть. Для детей, стоящих на самом краю Бездны, важно многое, а толика везения нужна всем, даже нам. Особенно нам.

– Ламбада, – мрачно отвечаю я, потому что девочка перестаёт дышать.

На мониторе – ожидаемая картина, то есть пируэтная тахикардия, но вот апноэ²⁹ с ней не вяжется никак. Не ребёнок, а загадка. Думать будем потом, а сейчас нужно откачать. Вот я и качаю, пока коллега колет, что положено. Ситуация, в общем-то рутинная, и я просто знаю, что всё будет хорошо. Но одновременно с первым самостоятельным вздохом ребёнка кто-то неумный хватает меня за плечо.

– А ну отойди от неё! – кричит это неудачное потомство макак, сразу же получая от меня пинок ногой – назад, куда попало. Судя по стону, попало хорошо.

– Почему посторонние в боксе? – привычно рычу я. – Убрать и продезинфицировать!

Девочка открывает свои светло-карие глаза, будто солнцем подсвеченные, глядя на меня так, как смотрят на святых. Не в первый раз я вижу такие взгляды, реанимация – такое место...

– Ну что, дышать будем? – интересуюсь я.

Судьба постороннего меня не интересует, даже если мой пинок попал очень хорошо. До тестикул вряд ли достал, а что-то ему сломать у меня сил не хватит сейчас. А жаль, потому что нужно быть полным орангутангом, чтобы лезть к врачу во время мероприятий по спасению жизни.

– Будем, – шепчет девочка, сразу же хватая меня за руку.

Я устало опускаюсь в коляску и оглядываюсь. Женщина что-то объясняет двоим взрослым, шокировано смотрящим на меня. Один из них, наверное, и есть тот самый результат порочной связи макаки с гориллой, по божьему попустительству давшей потомство. Гляжу в монитор – картина изменилась, и опять непонятно. Не должна она такой быть, все мои знания о медицине возражают.

²³ Химиотерапия онкологических заболеваний.

²⁴ Имеющие синдром Элерса-Данлоса.

²⁵ Синдром удлиненного интервала QT, потенциально жизнеопасный.

²⁶ Двухнаправленная веретенообразная желудочковая тахикардия, потенциально может закончиться плохо.

²⁷ Стандартная терапия пируэтной тахикардии.

²⁸ Дыхательный мешок для ручной вентиляции легких.

²⁹ Остановка дыхания.

– А кардиограф у нас есть? – интересуюсь я у коллеги. Ну, а кто их знает, может, они только на монитор полагаются?

– Грудные хочешь посмотреть, – понятливо кивает он. – Я тоже не против... М-да... Всё-таки, странный ты парень.

– Все мы странные, пока не бьют, – меланхолично пожимаю я плечами. – Волоки кардиограф, поглазеем.

– Что там, Дитер? – подаёт голос женщина.

– Вытащил её парень, – ошарашенно отвечает реаниматолог.

Вот мне интересно, почему мне это позволено? Я бы такого умника связал бы и в койку положил, чтобы под руку не лез. А тут – принимают, как будто я свой. Забава, что ли, подсутилась?

Скашиваю глаза в анамнез³⁰, принесённый женщиной. Ничего неожиданного – симуляция, психосоматика... Отдельных коллег нужно бы на кол, но нельзя, Германия. У нас нельзя сказать коллеге правду в лицо – неколлегиально, значит. А-та-та сделать могут и по попе дать. А по попе не нравится никому, я точно знаю.

Устала малышка, но спать боится. Почему боится – понятно, раз запечатлелась. Всё же необычно это, чтобы так сходу, да и аритмия не самая обыкновенная... Ладно, сейчас её сначала успокою, потом историю вдумчиво почитаю.

– Юрген, – подходит ко мне коллега женского пола. – Это родители Моники, не бей их больше, пожалуйста.

Веселится она, по голосу слышу. Оглядываюсь на взрослых, имеющих очень бледный вид. На фоне стены ещё не прячутся, но уже где-то близко. Качество пугания, навскидку, на двоичку³¹, то есть они вполне готовы к адекватному разговору.

– Сейчас наша Моника закроет глазки и немножко поспит, – киваю я коллеге, показывая, что принял к сведению. – Нужно отдохнуть моей хорошей.

– А ты не пропадёшь? – жалобно спрашивает меня девочка. Краем глаза замечаю, что родитель Моники вздрагивает от тех интонаций, что звучат в голосе дочери. Эх, маленькая...

– Ни за что, – улыбаюсь я ей. – Давай закроем глазки... – Я напеваю ей русскую, очень старую колыбельную. Можно сказать, погодок её синдрома³². – Спят медведи и слоны... – замечаю, что родителей буквально затыкают. Это правильно. Хватит нам танцев.

Девочка успокоенно засыпает. Интересно, почудилось мне удивление в её глазах, когда я запел, или нет? Надо будет об этом подумать. Потом подумаю, а пока засыпай, моя маленькая, засыпай. Монике очень нужно отдохнуть, утомилась она, пока мне тут цыганочку с выходом устраивала. Сейчас уснёт, я проверю сатурацию и...

Разворачиваюсь в коляске к родителям ребёнка, внимательно смотрю им в глаза – женщине и мужчине, не верившим собственному ребёнку. Взрослым людям, обязанным всегда быть на стороне дочери. Тем, кто обрёл её на жизнь, полную боли, на издевательства и останков в школе. Всё, накрутил себя, готов общаться.

– Болезнь вашей дочери, – не давая им раскрыть рта, давая интонациями, начинаю я, – относится к категории редких.

Я читаю привычную лекцию, не давая себя прервать, и вижу, что нехорошо становится даже коллегам, сообразившим, как нам всем в действительности повезло. Ну, и заодно пугать поучатся, а то что это за детский сад? Сорок минут лекция, несмотря даже на то, что после аспирации разговаривается грустно. Но ничего, мы сильные, мы сможем. А я ещё и зол на

³⁰ История болезни.

³¹ В Германии высшая оценка – единица.

³² Синдром Элерса-Данлоса существует с тридцать шестого года двадцатого столетия. Фильм «Цирк», колыбельную из которого поет доктор, того же года.

вот того – потомка макаки, который пытался мне помешать спасти ребёнка. Заказывали – получите!

Вот это правильная бледность – с синевой. Можно сказать, знак качества, как в Советском Союзе. Там – звезда, тут – синева, все счастливы. Они уже готовы к конструктивной беседе.

– Моника... она... я... – женщина, мать ребёнка, рыдает. Честно рыдает, не на публику, значит, любит девочку, и у Моника есть шанс.

– Моника не ходит, – говорю я ей. – После смерти такое бывает, – сейчас надо называть вещи своими именами, потому что «дикари-с, не поймут-с»³³. – Ваша задача – обеспечить её теплом, поддержкой и пониманием.

Всё, оба готовы. В этот момент я понимаю, что о себе тоже следовало позаботиться, потому что голова начинает кружиться очень уж активно. Вот будет юмор, если я в обморок бухнусь.

³³ Очень старый анекдот.

Глава четвёртая

Ирочка

Просыпаюсь внезапно. В душе какая-то непонятная тревога. Рядом с моей кроватью двое взрослых, но нет ангела. Куда исчез *он*? Куда? Почему *его* нет рядом? Нас разлучили, пока я спала! Я не хочу без *него*, не хочу!

– Тише, тише, Моника, – надо мной появляется озабоченное лицо врача. – Здесь Юрген, вот, посмотри, он никуда не делся.

Но я не верю, меня точно хотят обмануть! В этот момент что-то начинает прерывисто гудеть, а в следующее мгновение рядом появляется ангел. *Он* очень бледный, но *он* есть! И я успокаиваюсь, потому что это же *он*.

– Она не хочет жить без него, – слышу я женский голос, а смотрю только на ангела. Всё неважно, главное, что есть *он*.

– Ну, чего ты, маленькая? – произносит мой ангел. – Не надо так пугаться, я никуда от тебя не денусь.

– Тебя не заберут? – наверное, у меня очень жалобный голос, но я так боюсь...

– Никто меня не заберёт, – вздыхает Юрген. – А если ты будешь так пугаться, то будет нехорошо. А «нехорошо» нам не надо... Коляску дайте, – просит он кого-то.

– А можно... – я боюсь, что откажут, поэтому запинаюсь. – Можно, ты рядом... ну... ляжешь?

– Пусть, – говорит какой-то мужчина, чей голос мне знаком, но я не помню, кто это. – Если ей это так нужно, пусть. Лишь бы жила...

– У меня девочки не умирают, – хмыкает мой ангел, но бледнеет ещё сильнее, поэтому, наверное, его укладывают рядом со мной.

И мне вдруг становится так спокойно, как будто это всё, что мне в жизни надо было. Я некоторое время борюсь с собой, но потом обнимаю *его*, притягивая к себе, и кладу голову *ему* на грудь. Сердце моего ангела стучит так спокойно, а мне так хорошо, что я снова, кажется, засыпаю. Ни за что на свете не соглашусь с *ним* расстаться. Я на всё согласна, лишь бы был *он*...

Мне ничего не снится, а просыпаюсь я спокойной. Мне легко дышится, руки почти не болят, а ухом я по-прежнему слышу размеренное «тук-тук-тук» сердца моего ангела. Я, наверное, жуткая эгоистка, но я просто не хочу быть без *него*. Не хочу – и всё. Его рука вдруг начинает двигаться и обнимает меня. Хочется мурлыкать, но я не умею, а жаль, сейчас бы помурлыкала, как кошка, от его тепла.

– Проснулась, маленькая, – ласково произносит он, а я слышу всхлип где-то рядом.

Надо мной снова появляются взрослые. Мужчина и женщина. Что-то внутри меня тянется к ним, одновременно боясь этих двоих, но вот кто они, я не знаю. Может быть, они хорошие? Я смелая, потому что ангел рядом, он меня точно защитит от всех нехороших людей, я знаю.

– Как ты себя чувствуешь, доченька? – спрашивает меня женщина. Значит, это моя мама? Интересно, она добрая или злая?

– Хорошо, – отвечаю ей. – Потому что ангел со мной.

– Ангел? – удивляется она, а мой ангел вздыхает.

– Многие врачей реанимации так называют, – спокойным голосом объясняет он. – Потому что свет лампы так падает, что возникает ощущение ореола, понимаете?

– Ангел... – шепчет моя мама, кажется, она о чём-то думает. – Прости нас, доченька, за то, что не поверили тебе.

Вот тут я замираю, потому что не знаю, как реагировать на эту фразу, а *он* гладит меня, поэтому я просто киваю. Говорить мне ещё почему-то сложно. Надо будет ангела спросить, почему так. Интересно, а это действительно мама?

– Это твоя мама, Моника, – говорит мне мой ангел. – Ты её можешь сразу не вспомнить, но это твоя мама, она больше не будет называть тебя симулянткой.

– Она мне верит теперь? – спрашиваю *его*, на что Юрген просто кивает.

– Я верю тебе, доченька, – подтверждает мама. Я её всё равно немного боюсь, потому что она же может меня разлучить с *ним*.

– А что у него с опекунами?, – слышу я мужской голос. Он мне знаком, значит, это, наверное, папа?

– Арестованы его опекуны, – вздыхает ещё кто-то. – Так что технически преград нет, а бумагу мы дадим.

Над кроватью появляется уже знакомый мне мужчина. Он обнимает маму, прижимая её к себе, значит, это точно папа. Некоторое время он смотрит на меня, я немного пугаюсь и прижимаюсь к ангелу.

– Ты не будешь возражать против нашей опеки? – интересуется папа.

– Не буду, – улыбается Юрген. – Она же без меня не выживет.

– Хм... – папа обдумывает некоторое время то, что сказал мой ангел. – Но у тебя же своя жизнь?

– Ничего нет важнее жизни этого котёночка, – очень ласково произносит Юрген, а я чувствую, что сейчас заплачу.

– Мне кажется, что я стала маленькой, – жалуясь *ему*, потому что действительно кажется. Мне хочется просто спрятаться, и чтобы был *он*.

– Это нормально, котёнок, – мне так тепло оттого, что *он* меня так называет, просто не сказать, как.

– Сейчас будем кушать, – предупреждает меня мой ангел.

И действительно, приносят поднос и тарелки, он садится и что-то делает с кроватью, отчего она поднимает меня, заставляя садиться. Юрген располагается лицом ко мне, а я готовлюсь к боли. Сейчас будет больно, я это просто знаю, потому что опыт уже есть. В последнюю неделю в хосписе я и поесть нормально не могла, так больно было. Но теперь-то я могу, хотя руки явно против. Я справлюсь, главное, чтобы *он* был, а боль – это привычно. Сейчас возьму себя в руки и покушаю.

– Вот летит волшебник к Монике... – слышу я.

Удивлённо вскинув глаза на ангела, обнаруживаю ложку почти у самых моих губ. В ложке каша, но мне всё равно, хоть гвозди! Меня кормит мой ангел! С ложечки! Это просто невероятно!

– Важно следить за дыханием, – произносит *он*. – Давать на выдохе, не дай Асклепий, аспирация. Для неё она очень опасна. Сейчас я покормлю нашего котёнка, а в следующий раз попробуете вы.

Я вижу, что мама внимательно слушает моего ангела, и это правильно, ведь он же ангел. Я послушно ем, хотя каша какая-то пресная, но мне действительно всё равно, ведь меня же кормит Юрген. Я обещаю, что буду самой послушной на свете девочкой, только бы *его* не отняли!

– Умница какая у нас Моника, – говорит мой ангел. – Так хорошо кушает.

– Ну, это же ты, – отвечаю ему. – А я хорошая?

– Ты самая лучшая, – гладит он меня по голове, а я просто наслаждаюсь этим.

Мама опять всхлипывает. Интересно, а почему она всхлипывает, ведь всё же хорошо? У меня есть ангел, и пока *он* есть, я не умру. Главное, что *он* есть, остальное всё неважно. Ой, у меня же ножки не ходят, а вдруг меня выкинут опять в хоспис? Что тогда будет? Если *он*

будет – то не страшно, а если нет – то я просто умру, и всё. Поэтому нечего нервничать, а то ангел ругаться будет. Вот.

Доктор Влад

Моника, ожидаемо, родителей не помнит. После остановки, вообще говоря, и не такое бывает. Мозг – штука тонкая. Вот меня штормит – это нехорошо, но на сигнал монитора взлетел, как молодой. Впрочем, я сейчас как раз молодой – двенадцать лет. То есть школа, универ – всё по новой. Ладно, разберёмся.

– Ничего себе, у тебя рефлексы, – замечает коллега с невыясненным пока именем. На нём, конечно, написано³⁴, но я всё время другим занят – то Моника откачиваю, то сам в обморок падаю.

– Не мы такие, жизнь такая, – привычно отшучиваюсь и спешу к ребёнку.

По возрасту она моя ровесница, между прочим, даже, может, чуть постарше, но я педиатр, а педиатр, как говаривал наш профессор, это диагноз. Так что, пока воспринимаю девочку больше пациенткой, хотя организм говорит, что девочка ему нравится. Мозг пока с этой идеей не свыкся, ну да это дело наживное.

Забралась мне на грудь и уснула. То есть у нас две новости: во-первых, запечатлелась она насмерть, что монитор и продемонстрировал, то есть без меня не сможет, а во-вторых, что-то не сходится. Родители у неё, конечно, с тараканами, но вот чтобы прямо так – не похоже, а реагирует ребёнок, как дитя войны. Потерявшие всё и всех дети именно так себя и ведут. То есть загадка.

Учитывая, правда, кто и в каком состоянии, по словам Забавы, творил этот мир, сюрпризы ещё будут. И не факт, что хорошие, потому что боль – она вдохновение не заменяет. Это, кстати, может подождать, а вот что подождать не может, так это объяснения.

– Ноги не работают, то есть проблема, скорее всего, в голове, – объясняю я кивающему коллеге. – Это мы рано или поздно решим. Непонятно, откуда длинный ку-тэ, у родителей же нет?

– Нет, – качает головой местный доктор. – А вот гипермобильность у матери прослеживается.

– Значит... – вздыхаю.

Синдром у детей от родительского отличиться может, так что будет нам развлечение – найти причину. Так себе развлечение, но именно этим я каждый день и занимаюсь, так что ничего нового. Теперь вопрос в том, что у меня с родными, ибо девочка без меня просто останавливается. Был бы я здоровым дядькой, мы бы это решили, но я сейчас ребёнок, а дети в Германии без опекуна или родителя не встречаются.

– Извините за то, что стукнул, – извиняюсь я перед отцом девочки. – Очень вы не вовремя меня схватили.

– Да я уже понял, – отвечает мужчина. – Что с Моникой?

– Ничего хорошего, – сообщаю ему то, что и так понятно. – Моника у нас стала *особенной*, поэтому побольше ласки, внимания и никаких слёз. Не дай Асклепий, посчитает, что её жалеют – не натанцуемся.

Мы не говорим «инвалид». Во-первых, это уже не принято, потому что ранит ребёнка, а во-вторых, принятие коляски – та ещё история. А ведь родителям ещё предстоит это пройти вместе с Моникой, хотя, пока я рядом, всё в порядке будет. Вопрос в том, что делать, если у меня обнаружатся родители, хотя, покопавшись в памяти, нашёл только какую-то дородную тётку, судя по поведению, стремившуюся стать котлетой третьего сорта. Колбаса третьего сорта – это когда вместе с будкой.

³⁴ На бейдже стоит имя доктора.

– Что у меня с родными? – тихо интересуюсь у коллеги. К психиатру он уже не побежит, после всего-то.

– Ты сирота, – так же тихо отвечает он. – Опекуну арестованы, ибо... хм...

– Подробности оставим для прокуратуры, – я понимаю, почему он запнулся. Скорей всего, история так себе.

– Мы тебя возьмём под опеку, – мать Моника слышит наш разговор, поэтому в него и вклинивается. – Учитывая, что без тебя она начинает...

– Да, разлучать их нельзя, – подтверждает коллега. – Ты-то как?

– Пока лежу, нормально, – отвечаю ему. – Как встаю, штормит, что, в общем-то, тоже нормально. У меня всё говно из бронхов вытряхнули?

– Да не было его там, – вздыхает он. – Даже аспирации как таковой не было.

– Это грустно, потому что непонятно, – констатирую я. – Отчего я тогда...

Мы оба понимаем, что установить причину моего гостевого визита на тот свет тоже ещё предстоит, хотя, скорей всего, просто от страха. И такое бывает, так сказать. Ну, а пока суд да дело, надо подумать о том, что у нас впереди. Забава сказала, мир целительский. Учитывая, что недописанный, то могла его слить с моим, образовав... хм... фанфик какой-нибудь. А могла и не с моим, тогда надо подумать о защите, потому что просто не будет.

Проснулась моя хорошая, надо её покормить, да и меня заодно. Вот демонстрирует она разные симптомы, причём именно клинически, а объективной причины для них я не вижу. Сейчас сэ-эн³⁵ на фоне дэ-эн³⁶ демонстрирует. И если у второго повод есть, то у первого...

Тянусь к пультам, выставляю кровать в комфортное положение. Что у нас там? Хотя, честно говоря, вариантов немного – заканчивались же недавно. Сейчас посмотрим, можем ли мы покушать. Манная кашка на воде... Пресная, как... некрасивое сравнение, которое мы озвучивать не будем – мускулюс глутеус³⁷ против. Похоже, что меня били, что для Германии, конечно, вполне так повод дать по рукам.

– А вот волшебник на вертолётке летит, что-то вкусное несёт, – кормим девочку, играя, что для неё хорошо, и мне всё видно. – Умница какая!

Нельзя забывать хвалить. За каждую ложку, за каждый глоток. Моника должна чувствовать – её любят, она нужна, она важна, тогда и принятие легче пройдёт. Детям очень нужно тепло, и чтобы не было больно. Сейчас ей почти не больно – суставы разгружены и зафиксированы, а тепла я тебе, котёнок, дам сколько угодно.

Интересно, почему нет тоски по любимой жене моей да детям? Наверное, Забава постаралась. Это правильно, потому что иначе было бы совсем плохо, а так пока всё хорошо. Вот, поела, хоть что-то хорошо.

– Умница моя, очень хорошо покушала, – и погладить, учитывая особенно, как она к ласке тянется.

– Я умница? – удивляется Моника, будя во мне странные желания.

– Ты сомневаешься? – спрашиваю её и сразу же отвечаю: – Конечно, умница, как же иначе?

Заулыбалась. Красивая у неё улыбка, по мнению моего организма. Но вот тоже не сходится: родители её по-своему, конечно, но любят, а она и к ласке тянется, и ведёт себя, как потерянный котёнок. Как на той картинке: «Я обязательно выживу». Вот и тут так, не совпадает, то есть очередная загадка. Просто девочка-загадка у меня тут лежит. Сейчас опять спать будет, что ей полезно, да и мне тоже.

³⁵ Сердечная недостаточность.

³⁶ Дыхательная недостаточность.

³⁷ Ягодичная мышца (лат.).

Итак, что мы имеем по мне? По Монике и так понятно, а со мной что, если аспирации не было, а в ДЦП³⁸ у себя в виде пароксизма³⁹ я не верю? Тоже загадки. Хорошо хоть моей личностью не заместили личность мальчика, а влили в него. Хотя на данный момент во мне взрослый дядя-доктор подавляет ребёнка, но хоть убийцей себя не чувствую.

³⁸ Детский церебральный паралич. Может характеризоваться проблемами органов дыхания.

³⁹ Резкое, часто неожиданное проявление припадков, приступа болезни.

Глава пятая

Ирочка

Нас выписывают. Прошло целых восемь дней, за которые доктора привыкли к тому, что мой ангел – умный, а я без *него* не могу. И мои родители тоже, и ещё какие-то чиновники, только я в них не разбираюсь.

Мне достаточно того, что рядом со мной ангел. *Он* меня совсем не смущает, и я *его* тоже. Не знаю, почему, но задумываться не хочу. *Он* же есть, зачем задумываться? Даже когда ангел мне в первый раз горшок принёс, в больнице он «судно» называется, я не смутилась. Во-первых, давно привыкла, а во-вторых, это же *он*. Самая главная новость в том, что мои родители – хорошие. Они теперь уже хорошие и ни за что не будут больше обзывать, а по попе здесь не принято. Оказывается, я в Германии, у меня есть папа и мама, братьев и сестёр нет, но сейчас у меня ещё и ангел, он будет жить с нами, потому что я без него не могу. Доктора даже бумагу написали специальную, чтобы нас не ругали.

Я всё равно боюсь без него, даже когда он в туалете, но мама взяла отпуск и сидит со мной теперь. И ещё ангела гладит, и ему нравится, я же вижу. А завтра нас выпишут, потому что я, когда с ангелом, не умираю, он лучше знает, что мне надо. А долго в больнице тут не держат, потому что это всё деньги. Но мне всё равно, у меня есть ангел.

– Давай поучимся, – предлагает он мне, на что я, конечно же, киваю. *Он* же лучше знает, что правильно, а я – послушная девочка. Потому что хорошая, так ангел сказал, что я хорошая.

Юрген привозит коляску для таких, как я. Мама, кажется, готовится заплакать, а я – нет. Мама глупая, какая разница, могу я ходить или нет? Ведь я живая, а это главное. Ну, и ещё ангел сказал, что мне так будет легче в туалет ходить. Все-таки ходить самой мне нравится больше, чем на горшок, даже если я не могу ходить, но ездить тоже здорово.

Меня пересаживают в коляску. Она не такая, как каталка, а с чуть наклонёнными друг к другу колёсами и дугами, чтобы я сама могла её катить. А ещё приносят странные чёрные штуки. Юрген говорит, что это «ортезы», и в них мне совсем-присовсем не будет больно. А я согласна, чтобы было... Я на всё согласна. На всё-всё. Только бы *он* был.

– Смотри, это ортезы, – объясняет мне Юрген.

Он осторожно разбинтовывает мои руки, которые сейчас кажутся такими тонкими, и надевает на них эти чёрные штуки, чем-то похожие на перчатки. Я чувствую, что эти ортезы плотно обхватывают запястья, отчего возникшая было боль, почти сразу становится меньше – такой, что её можно игнорировать. Но на этом ангел не заканчивает, он везёт меня к туалету. Там я вижу непривычные блестящие штуки и что-то ещё, что свисает с потолка.

– На вот эту штуку можно опереться, – ангел показывает мне как. – А вот за петельку нужно взяться обеими руками и пересесть. Попробуй.

Я же послушная девочка? Я делаю, как Юрген сказал, потому что *он* же лучше знает, как правильно. Действительно получается пересесть и сделать свои дела, потому что на мне только больничная рубашка, а белья нет. Я же и на судно ходила, и ещё мыли меня губкой, когда вставать было нельзя. Ангел и помыл, потому что я была против, чтобы кто-то другой. Страшно мне почему-то, не знаю, почему. Зато я теперь могу сама в туалет!

– Утром будем учиться чистить зубы и принимать душ, – сообщает мне Юрген, а мама смотрит на нас уже почти без удивления. Она привыкла.

За эти дни все привыкли, что доверяю я только ангелу, зато полностью, без исключений. Вот и сейчас тоже. Но ещё нужно покушать, потому что так Юрген сказал. Мне самой кушать не

очень хочется, но *он* сказал, что нужно есть каждые три часа. И действительно, живот перестал болеть после еды, что я *ему* и сказала.

– Своевременное правильное питание – это очень важно, – кивнул мне ангел, что-то объясняя маме.

Мама кивает, она тоже привыкла к тому, что Юрген знает, что говорит, ведь и доктора подтвердили, что *он* знает, но мне это подтверждение не нужно. Интересно, а как будет дома, нас не разлучат? Я боюсь без *него* и совсем-совсем не хочу!

– Ну, чего ты опять испугалась? – гладит меня Юрген. – Я буду рядом всегда, не надо бояться.

– А дома... Ну... не разведут по комнатам? – спрашиваю его, и слышу, что мама опять всхлипывает. Мне кажется, я стала такой маленькой-маленькой...

– Не разведут, – вздыхает ангел.

Я понимаю, почему он вздыхает, я его часто спрашиваю, но просто боюсь же, а он говорит, что бояться нельзя, чтобы сердечку плохо не делать. Я стараюсь, честно-честно!

– Доченька, маленькая, тебя никто не разлучит с твоим Юргеном, – это мама подошла пообнимать и погладить.

Странно, мой ангел сирота, а у него совсем нет зависти в глазах. Я бы на его месте завидовала бы до потемнения в глазах, а *он* только улыбается. Наверное, поэтому *он* ангел, а я нет. Откуда я знаю, что нормально у ангелов?

Я подъезжаю к кровати и уже жду, когда пересадят, но Юрген придумал что-то другое. Он что-то перещёлкивает, передо мной оказывается столик, а на нём – тарелка с кашей. Не люблю я эту кашу, но ангел сказал «надо», а я очень хорошо выучила уже, что такое «надо» и «нельзя». Я беру ставшей толще рукой ложку, ожидая удара боли, но её нет, отчего я удивлённо смотрю на ангела, а *он* меня просто гладит. Значит, я теперь и поесть могу без боли? Это так здорово!

Надо привыкать к имени Моника, а ещё, наверное, надо всё рассказать Юргену. А *он* меня из-за этого не прогонит? Надо будет спросить, потому что если прогонит, то не расскажу. Я ем ложку за ложкой и думаю о том, как буду рассказывать. Мне почему-то кажется, что ангел всё-всё поймёт и прогонять меня не будет. Наверное, надо попробовать...

– Поела? – интересуется Юрген. – А теперь мы оденемся и пойдём немного погуляем.

– А это безопасно? – спрашивает мама.

– Это надо, – спокойно отвечает ангел. – Прогулки нам очень нужны. Как там погода на улице?

– Как всегда в начале марта, – мама явно не понимает вопроса. – Плюс десять, но дождя сегодня нет.

– Очень хорошо... – задумчиво произносит Юрген. – А вот начало марта – не очень.

– А почему? – спрашиваю его я.

– Потому что, котёнок, – отвечает он мне, – весна пришла. А весной таким котяткам, как ты, живётся грустнее. Но ты же не будешь грустить?

– Не буду, – обещаю я, хотя это, наверное, от меня не зависит.

Или зависит? Я не знаю. Но послушно вытягиваю руки, когда он просит, потому что меня одевает самый лучший на свете ангел, и мы сейчас пойдём гулять! Это очень-очень здорово – гулять, поэтому я улыбаюсь. Меня ничего не беспокоит, даже боли в руках почти нет. И это такое счастье – просто не сказать, какое...

Доктор Влад

Точно Забава подшаманила. Не могут солидные дяди всерьёз принимать двенадцатилетнего парня, просто психологически. Хотя я могу, но я – это другое дело, а тут же обыкновенные врачи, а не спецы по крайне редким, где от слова пациента многое зависит. Кроме того что меня принимают серьёзно, так ещё и воспоминаний о жене и детях, с тоской перемешанных, нет. А должны быть, но, видимо, эмоциональную сферу Забава не перенесла. Это хорошо, ибо жену свою я люблю без памяти, а здесь, похоже, мне в пару определили Монику, ибо запечатлелась она насмерть. В её жизни теперь остальные люди – призрачные тени, что, кстати, необычно. Действительно, как ребёнок войны реагирует. Надо будет аккуратно расспросить, но сейчас – гулять.

Почему-то абсолютно не волнует, как меня воспримут её родители, есть внутренняя уверенность в том, что демонстрируемое в больнице – не демоверсия. Ну да будет день, и будет пища. Завтра как раз и узнаем.

Вспоминаю о клятве, целительские миры такого типа я у себя описывал. Или девочка, создавшая мир, думала аналогичным образом, или меня начиталась. От этой мысли оглядываюсь – не идёт ли психиатр справку отбирать. Самонадеянно об этом думать, всё-таки читает меня небольшое количество народа. Впрочем...

Ладно, одеваюсь, выбора у меня особого нет, судя по набору одежды. Видать, опекуны странные попались, ибо в такой одежде чувствуешь себя ёлочкой – зимой и летом одним цветом. Но хоть Моника обеспечена лучше, а так как она сейчас сидячая, то нужно одевать с прицелом на это дело. Ну и суставы, не дай Асклепий, поморозить. В плюс десять тоже можно поморозить суставы.

Пока одеваю котёнка, продолжаю размышлять. Пока что в анамнез вкладывается только суставной синдром и некоторые внутренние органы, а вот ноги – не очень, да и длинный ку-тэ... Он или генетический, или медикаментозный. Очень редко возникает сам по себе, но тут поводы нужны серьёзные, а порока у неё точно нет.

Это, конечно, весело смотрится со стороны, когда двенадцатилетний парнишка «обнюхивает» рентген-снимок, потому что аппарата УЗИ в этой больнице нет. Самое начало девяностых, понятно, почему нет. История медицины – дама суровая, сонография⁴⁰ была тогда, то есть теперь, далеко не везде, да и точность... В общем, уметь надо. Я-то умею, конечно, но на нет и суда нет. Для оценки последствий и рентгена хватает, если на лекциях ушами не хлопать.

То есть сердце не клеится, лёгкие вполне, и ноги. Ну хорошо, ноги могут «отрубиться» на психоэмоционалке, были такие случаи, помню, но сердце не объясняется. Кроме того, реакции её больше похожи на детей войны или онкологических, которые лежат в одиночестве в хосписе. Это я уже видел. Но никак не для домашней девочки.

– Поехали? – предлагаю я одетой уже Монике.

– Поехали, ангел, – отвечает она мне.

Никуда от этого не деться, бывает и такое, а тут она ещё и запечатлелась, так что нужно привыкать к такому названию. Надо будет клятву произнести, как Забава говорила. Посмотрим заодно, что это за целительский мир. Хорошо бы, мой... Но это мечты.

Вывожу из отделения. Все больницы однотипные, поэтому, где находится лифт, я почти знаю. Ну вот, правильно. Закатываю в лифт ребёнка, привычно здороваюсь с находящимися внутри, явно шокируя ещё не знающих обо мне. Но ничего, завтра выпишемся... Кстати, это как раз норма – и я, и Моника стабильны, диагноза её никто здесь не знает, поэтому записали с моих слов, а это сразу же сужает спектр возможных больниц. То есть или университетские

⁴⁰ Немецкое название ультразвуковой диагностики.

клиники, или, не к ночи будь помянутый, ревмацентр в Гармише⁴¹. Это придумать же надо, в ревматологической клинике нет дефибриллятора! Ладно, потом повозмущаюсь.

Вот выход во внутренний парк, в котором можно погулять. Что интересно, мама девочки с нами не пошла, тоже нелогично, хотя, возможно, она занимается оформлением бумаг... А Моника морщит лоб – решает что-то. Тараканы у неё могут быть мадагаскарские, поэтому надо вовремя подхватить, если что-то себе напридумывает.

– Ангел, – вдруг говорит она. – Я рассказать хочу.

– Хорошо, – ласково отвечаю я ей, поворачивая в сторону скамейки.

Контроль эмоций, контроль интонаций – это очень для детей важно, поэтому только ласка и тепло. Усаживаюсь на скамейку, настраиваясь на работу, разворачиваю её лицом к себе, чтобы было удобно говорить. Интересно, о чём она хочет рассказать?

– Только ты меня не прогонишь? – страшно ей, что уже вдвойне интереснее.

– Никогда не прогоню и всегда буду с тобой, – отвечаю ей, ибо я – не убийца.

– Даже если окажется, что я – это не я? – спрашивает она, а у меня подозрения есть, а вот мыслей нет.

– Ты – это всегда ты, – глажу её по голове, отчего ребёнок расслабляется.

– Меня зовут Ирочка, у меня был миелолейкоз, – произносит Моника, со страхом глядя на меня.

А я улыбаюсь в надежде на то, что улыбка не станет приклеенной. Одна её фраза со щелчком вставила последний пазл, собрав всю картинку. Значит, она тоже попаданка, отчего и феерия симптомов. По крайней мере, теперь есть сравнительно логичное объяснение наблюдаемой картине.

Моника рассказывает мне о матери, ожидавшей её смерти, о брате, не показывавшем своего присутствия, о жизни никому не нужного ребёнка в хосписе. И о смерти. Я пересаживаю девочку к себе на колени, обнимая её. А она говорит о том, как её называли симулянткой, как даже к психиатру водили. Психиатр не может поставить онкологию, но хотя бы понять, что ребёнок не врёт, должен, по-моему.

Ну, а потом стало поздно. Девочка продолжает рассказ о своей короткой жизни. О книгах одного писателя, от которых ей хотелось улыбаться, и о том, что начала писать сама. Если я прав, то у нас есть две новости, и обе хорошие. Ну-ка, расспросим внимательнее.

– Ты писала по книге того писателя? – спрашиваю её. – С целителями по воле Магии и школой Грасвангталь?

– Да, – кивает Моника. – Я и тебя написала и... и... меня...

– С болезнью, – киваю я, потому что теперь всё объясняется.

Главное, это не объяснять психиатру в такой форме. Передо мной сидит творец этого мира. Фактически, она и есть мама и магии, и других сил этого мира. Интересно? А мне-то как... Ладно, теперь нужно её успокоить, а то даст так, что все распляшемся. Тот факт, что она творец, в данном случае, скорее, минус. Ибо может она больше, чем другие, а большая часть проблем у неё в голове. Включая те же ноги – она просто знает, что ноги не работают, и всё. Логика теперь понятна. Вопрос: я-то с ума не сошёл? Нет ответа на этот вопрос.

– Ничего не изменилось, – сообщаю я Монике. – Я по-прежнему у тебя есть.

– Ты волшебный, ангел, – отвечает она мне. – Я тебя не обидела?

– Ты не можешь меня обидеть, – улыбаюсь ей, глядя по голове. – Ведь это же ты.

Логики в этих словах даже искать не надо, но работает. Успокаивается, моя хорошая. Теперь хотя бы понятно, как лечить моего котёночка.

⁴¹ Город на юге Германии, в Баварии.

Глава шестая

Ирочка

Ангел волшебный! Он меня выслушал, посочувствовал и подтвердил, что никуда не пропадёт! Я такая счастливая – просто не сказать, какая! Юрген говорит, что всё будет хорошо, потому что я – особенная. И у него особенная, и вообще самая особенная, от этого хочется улыбаться.

Маму и папу очень радует моя улыбка, потому что ангел их дополнительно напугал, и они теперь уже хорошие. Даже *его*, кажется, уже любят. Меня всё-всё удивляет, но я всё равно послушная. Вот послушная я просыпаюсь, потому что сегодня меня выписывают. И Юргена тоже, ведь мы неразделимы.

– Ну что, встаём? – интересуется ангел.

– Встаём, – соглашаюсь я.

Что значит «встаём»? Надо пересесть в коляску, мне ангел поможет, потом поехать в ванную, сходить в туалет и почистить зубки. Ещё можно душ принять, но мне сегодня капризничается, поэтому Юрген говорит, что и так сойдёт. У меня настроение сильно скачет – и страшно, и жутко интересно, какой он, мой дом? Я уже знаю, что живу в квартире в небольшом многоквартирном доме, где есть лифт, поэтому мне будет удобно. Немного боязно оттого, что будут смеяться и пальцем показывать, но у меня же ангел есть, а с ним ничего не страшно.

Чистить зубы не больно, потому что Юрген что-то сделал, и теперь щётка толстая такая, её держать удобно. Мы чистим зубы наперегонки, но я всё равно выигрываю, потому что ангел мне это позволяет. Я знаю это, но не обижаюсь, а улыбаюсь ему, ведь он самый лучший на свете.

В палату заходит мама, а за ней и папа. Я теперь знаю, что это папа, и больше его не боюсь, а вначале пугалась, конечно. Папа сразу же спрашивает у ангела, как я, и Юрген ему рассказывает, как именно, а мне пора кушать. Только я сегодня почему-то капризничая, поэтому отворачиваюсь от тарелки.

– Нервничает немного мой котёнок, – говорит ангел, – вот и капризничает.

– А почему нервничает? – интересуется папа, глядя на то, как Юрген берёт в руку мою ложку и начинает меня кормить, как маленькую. Я ему улыбаюсь, потому что ему невозможно не улыбаться.

– Она дома своего не помнит, вот и придумывает себе, – вздыхает всё-всё обо мне знающий ангел.

Он доктор, настоящий, но стал мальчиком, чтобы я не плакала. Ну, как-то так я его объяснения поняла. Я теперь не буду плакать, потому что обещала. *Он* говорит, что я хорошая, и хвалит после каждой ложки.

– Смотрите, Марта, – это голос доктора, я его узнала.

Оборачиваюсь, а он стоит с какой-то девушкой на пороге палаты и показывает ей, как ангел меня кормит. А та смотрит просто во все глаза, но это мой ангел, а она пусть себе своего заведёт, вот. Я своего Юргена никому не отдам, потому что я без него не смогу уже.

– А вот самолётик летит к моему котёнку, – слышу я его голос и уже просто рефлекторно открываю рот, чтобы сделать «ам».

– Господи, сколько любви и ласки, – говорит девушка, которая с доктором пришла. – Я даже не знаю, смогу ли так.

– Детей надо любить, – объясняет мой ангел, продолжая кормить меня. – Надо кормить, укутывать в тепло, потому что им это очень нужно. Чтобы было тепло и не было боли.

– Золотые слова, – замечает доктор. – Ну что, капризулю покормили?

– Покормили, – кивает Юрген. – Сейчас таблетки скушаем, а уколы нам не положены. Меньше стрессов – дольше жизнь.

– Ого... – тихо говорит девушка, а я хихикаю. Это же мой ангел!

Таблетки для того, кто знает, что такое «витамины в попу» – счастье. Они, конечно, невкусные, но жевать их никто и не заставляет, их нужно глотать, а вот эту маленькую ещё и соком запивать. Сок у меня разведённый, но я не жалуясь, потому что лучше хоть такой, чем только вода.

Я сижу в коляске. Как-то быстро я к ней привыкла... Наверное, это потому, что ангел сказал «надо», а я же послушная? Вот, я сижу в коляске и допиваю разведённый сок, а Юрген меня одевает. Мы сейчас поедem домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.